

A movie poster for the film 'Пятый «А»'. The background is a night sky with the Milky Way galaxy visible. In the foreground, five children are sitting on a grassy hill, looking up at the stars. To the left, a building with lit windows is visible. The title 'Пятый «А»' is written in a large, white, handwritten-style font in the center. Below the title, the text 'детская школьная драма / семейное кино' is written in a smaller, white, sans-serif font. At the bottom center, the text 'ООО «МК СОФИТ»' is written in a small, white, sans-serif font, flanked by two horizontal lines.

Пятый «А»

детская школьная драма / семейное кино

ООО «МК СОФИТ»

Андрей Вершков

Пятый А

«Автор»

2026

Вершков А. В.

Пятый А / А. В. Вершков — «Автор», 2026

Школа на краю города, за которой начинается поле и настоящее чёрное небо. Здесь астрономию преподают с пятого класса — «потому что в десятом уже поздно». Пятый «А» — это двадцать шесть детей, которые пока никто друг другу. Отличница, задыхающаяся от страха ошибиться. Мальчик, знающий наизусть спутники Сатурна и теряющий собственный портфель. Новенький, полгода молчавший из-за одного неправильно произнесённого слова. Громкий троечник, чья энергия никому не нужна. И мальчик, которого просто не замечают. За год они поссорятся из-за подоконника, выиграют школьный конкурс, вырастив три помидора вместо того, чтобы клеить макет из картона, откопают одноклассника из обвалившегося снежного вала и увидят Млечный Путь — по-настоящему, впервые в жизни. В космос из них не полетит никто. Но смотреть вверх научатся все.

© Вершков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пятый А	5
Глава первая.	6
Глава вторая.	8
Глава третья.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Пятый А

Пятый А

Глава первая.

Сентябрь пахнет мелом и телескопом

Школа номер девяносто шесть стояла на краю города в Березняковском микрорайоне, там, где заканчивались дома и начиналось поле. Поле это местные звали просто — Чертово поле, и по вечерам оттуда было видно небо. Не то небо, которое видно из окна кухни, размытое фонарями, а настоящее: глубокое, чёрное, с рассыпанной по нему звёздной крупой.

Именно из-за неба школу когда-то и построили здесь. Так, во всяком случае, говорил Аркадий Петрович, учитель астрономии, а он врать не стал бы. Аркадий Петрович был человек сухопарый, с седыми висками и привычкой разговаривать так, будто перед ним не дети, а комиссия из Академии наук.

— Пятый «А», — сказал он первого сентября, войдя в кабинет, где ещё пахло свежей краской и летом. — Поздравляю. С этого года у вас в расписании появляется астрономия. Обычно её дают в десятом. У нас — с пятого. Знаете почему?

Двадцать шесть человек молчали. Потом с третьей парты поднялась рука.

— Потому что у нас уклон? — предположила Соня Верещагина.

— Потому что в десятом уже поздно, — сказал Аркадий Петрович. — В десятом человек уже решил, кем он будет. А я хочу успеть.

Он подошёл к окну и отдёрнул штору. За окном было Чертовое, серое и мокрое после ночного дождя.

— Успеть до того, как вам объяснят, что мечтать — это несерьёзно.

Пятый «А» в тот год был классом пёстрым, как коробка с пуговицами.

Был Тимофей Гуляев — длинный, нескладный, вечно в расстёгнутой куртке, знавший наизусть все семьдесят с лишним спутников Сатурна и не знавший, где лежит его собственный дневник.

Была Соня Верещагина — отличница, аккуратистка, с идеально заточенными карандашами в пенале и тайной мечтой стать не космонавтом, а тем, кто рассчитывает траектории. «Пилотов много, — говорила она, — а баллистиков мало».

Был Рустам Сафин, который пришёл в школу в середине августа из другого города и первые две недели молчал так основательно, что учителя начали переживать.

Была Катя Дорохова, которая рисовала в тетрадях ракеты вместо конспектов и за это регулярно получала по шее от математички.

Был Гриша Понтелеев по прозвищу Понт — самый громкий человек в параллели, гроза столовой, автор всех школьных прозвищ и, как выяснилось позже, единственный в классе, кто умел разжигать костёр под дождём.

И была Лиза Ким — тихая, в очках с толстыми стёклами, которая на первом же уроке астрономии задала вопрос, от которого Аркадий Петрович замер посреди фразы:

— А если мы всё-таки одни во Вселенной — это грустно или страшно?

Учитель помолчал.

— Это, Лиза, ответственно, — сказал он наконец. — Садись.

Классным руководителем у них была Марина Владимировна Стрельцова — учитель русского и литературы, женщина лет сорока, с короткой стрижкой и голосом, который никогда не поднимался выше обычного, но которого почему-то слушались.

Она вошла к ним после третьего урока, села не за учительский стол, а на край первой парты, и сказала:

— Так. Я про вас ничего не знаю. Вы про меня тоже. Давайте это исправлять четыре года подряд.

— А потом? — спросил Понт.

— А потом будет девятый класс, и вы сделаете вид, что мы никогда не были знакомы, — спокойно ответила Марина Владимировна. — Это нормально. Но пока — давайте.

Класс засмеялся. Это был первый общий смех пятого «А», и, если честно, единственное, что их тогда объединяло.

Глава вторая.

Купол

Гордостью школы был планетарий.

Точнее, это был не совсем планетарий, а переоборудованный спортзал старого корпуса: полукруглый потолок, обтянутый белым полотном, старый чешский проектор, купленный ещё в восьмидесятых, ряды складных кресел, снятых с какого-то списанного кинотеатра. Пахло там пылью и нагретой аппаратурой.

Но когда Аркадий Петрович гасил свет и включал проектор, спортзал исчезал.

В первый раз пятый «А» попал под купол в конце сентября. Они рассаживались с шумом, толкались, Понт пытался занять сразу три места, Тимофей уронил портфель, Катя спорила с кем-то из-за кресла.

Потом свет погас.

И стало тихо.

Над ними развернулось небо — настоящее, осеннее, с Млечным Путём, перекинутым через весь купол, как пролитое молоко.

— Это не картинка, — раздался в темноте голос Аркадия Петровича. — Это то, что над вами прямо сейчас. Просто крыша мешает.

Кто-то шумно вздохнул.

— Вот это, — красная стрелочка указки поползла вверх, — Вега. До неё двадцать пять световых лет. Свет, который вы сейчас видите... то есть видели бы, будь мы на улице... вышел оттуда, когда ваши родители были примерно вашего возраста.

— Ничего себе, — сказал Понт, и в его голосе впервые не было ни капли ёрничанья.

— А вот это — Денеб. До него около тысячи четырёхсот лет. Свет, который до нас доходит сегодня, отправился в путь, когда здесь ещё не было ни этого города, ни этой страны. Ничего не было. А свет уже летел.

Он выключил указку.

— Вопросы?

— А туда можно долететь? — спросил Рустам.

Это были, кажется, первые его слова, произнесённые вслух при всём классе.

— Пока нет, — честно сказал Аркадий Петрович. — Нужен двигатель, которого не существует. Нужна защита от радиации, которой не существует. Нужно решить, что делать с человеком, который состарится в пути. Ничего из этого пока не придумано.

— Значит, никогда, — сказал кто-то разочарованно.

— Значит, ещё не придумано, — поправил учитель. — Чувствуете разницу? «Никогда» — это приговор. «Ещё не» — это задание.

Он помолчал.

— И, между прочим, выдано оно не мне. Мне-то уже поздно. Оно выдано вам.

Они сидели в темноте под искусственным небом, двадцать шесть человек, которые ещё две недели назад друг друга не знали.

И это был второй раз, когда они почувствовали себя чем-то целым.

Глава третья.

Война за подоконник

Не надо думать, что пятый «А» с тех пор превратился в собрание будущих героев космоса, взявшихся за руки.

Уже в начале октября они разругались.

Началось всё с ерунды — с подоконника. На большом подоконнике в конце коридора помещалось человек шесть, там было тепло от батареи и видно улицу, и это место считалось лучшим на этаже. Понт со своей компанией занимал его каждую перемену. Девочки считали, что это несправедливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.